

Сложившаяся многовековая практика закрепила суверенитет за национальными государствами

А.И. Соловьев, доктор политических наук

Мне очень понравилось, как Вадим Леонидович целостно и принципиально описал структуру своего видения феномена суверенитета. Так что его позиция понятна и даже неоговоренные аспекты авторской логики столь же очевидны. Вместе с тем, я обратил бы внимание на два аспекта. Первое: прежде всего, для рационализации нашего дискурса важно избегать чрезмерно расплывчатых метафорических определений. В этом смысле те термины, которые использует докладчик, а именно: «суверенитет признания» и «суверенитет факта», мне представляются именно такими — малопредметными, неопределенными и расплывчатыми, т. е. уводящими от сути вопроса (по крайней мере, надо признать, что в любой форме суверенитета всегда существуют и элемент признания чьих-то доминирующих позиций, и элемент навязывания сувереном своей главенствующей воли).

Что же касается содержательной характеристики суверенитета, то я обратил бы внимание коллег на то обстоятельство, что данный феномен есть не что иное, как определенная модальность власти, обладающая совершенно определенной зоной самоосуществления в рамках конкретного социума (или системы взаимодействий). Констатируя эту природу суверенитета, следует обратить внимание на три момента, важных при теоретическом истолковании этого феномена.

Во-первых, в суверенитете существуют некие универсальные характеристики, которые не способны специфицировать

его отраслевую, предметную характеристику. Другими словами, эти компоненты касаются всех — экономических, правовых (в том числе и политических) форм существования суверенитета. Прежде всего, это наличие ресурсов, которые лежат в основании доминирования тех или иных общественных сил, ресурсов, которые дают им возможность обладать властью и использовать власть в своих интересах. При этом именно ресурсы определяют ту зону безоговорочного контроля, которую может продемонстрировать тот или иной актор. Вся сложность в этом отношении при анализе суверенитета состоит в существовании принципиальной неопределенности, несоотнесенности ресурсов. К примеру, у американцев имеются такие военные и финансовые ресурсы, применяя которые они могут расширять зону своего безоговорочного контроля — т. е. суверенитета — и на другие территории. Правда, при этом они утрачивают свои морально-политические ресурсы (т. е. авторитет) и те возможности, которыми они обладают для властного регулирования. Так что зона суверенитета может сжиматься и расширяться. В этом отношении совершенно понятно, что политический актор для обладания суверенитетом должен иметь ресурсы, позволяющие ему уверенно и устойчиво доминировать над своими оппонентами и проponentами.

Второй момент — наличие технологий достижения баланса между властвующими и подвластными. Это очень важная характеристика суверенитета, включающая в его структуру компромисс между этими взаимодействующими сторонами. Такой компромисс интересов снижает сопротивление подвластных и укрепляет стабильный характер суверенитета. В то же время, Вадим Леонидович фактически признал, что никаких устойчивых форм баланса и признания позиций центров власти (со стороны подвластных) не существует. Думаю, что ситуация прямо противоположна, ибо подвластные никогда не утрачивают своей активности (по крайней мере, до тех пор, пока сохраняют свои интересы), и потому станов-

ление суверенитета (как формы властвования) всегда опирается на компромисс его носителей со своими оппонентами.

Здесь во многих вопросах уже обращалось внимание на такой фактор, как консолидация (государственного, политического) суверенитета, который касается религиозных, культурно-ценностных, информационных — одним словом, любых параметров, которые могут создавать прочное, общепризнанное положение актора, осуществляющего высшую власть. Поэтому то, что Вы, Вадим Леонидович, отказываетесь от анализа всех этих гуманизирующих власть факторов, мне представляется серьезным методологическим упущением. Ибо все эти факторы являются показателем использования властных технологий, которые могут изменять характер и даже принципы достижения компромисса. Эти факторы действуют над государственными границами, влияют на умонастроения широких аудиторий и зачастую просто меняют конфигурацию тех слоев, на которые опираются те или иные центры власти.

И третий момент — это необходимость признания определенной конфигурации тех операторов власти, которые представляют коренные интересы различного рода крупных социально-экономических групп населения. Здесь, на мой взгляд, и коренится самое важное отличие собственно политической формы суверенитета. Ведь политический суверенитет возникает только тогда, когда соизмеряются властные претензии крупных групповых игроков в этой сфере. Именно эти контакты, эти межгрупповые волеизъявления, формируя систему представительства интересов и порождая публичную форму дискурса, в конечном счете и разделяют противоборствующие стороны на властвующих и подвластных. При этом сложившаяся форма дискурса показывает, в какой социальной оболочке существует политический суверенитет: государственной, региональной, локальной и т. д.

В прикладном смысле осуществление суверенитета выступает как применение власти — в условиях безоговороч-

ного контроля и доминирования той или иной группы — для решения любых социально-экономических кризисов, конфликтов, конструирования экономических отношений и т. д. Понятно, что в зависимости от уровня сопротивления группового оппонента, зоны контроля носителя суверенитета могут как сужаться, так и расширяться. Очевидно также, что кто-то может обладать определенной толикой власти, но при этом не претендовать на суверенитет. В этом отношении история есть ни что иное, как комплекс динамической трансформации властных отношений, в том числе и непрерывной смены суверенитетов, изменения их объемов, характера и т. д.

И в заключение — еще об одном аспекте проблемы. Мне думается, что мы забываем некую очевидность: сложившаяся многовековая практика закрепила суверенитет именно за национальными государствами, т. е. за вполне конкретной формой объединения граждан. Это, собственно, и порождает все возможные модификации внутреннего и внешнего признания приоритета центра власти. Но при этом не меняет природу суверенитета как формы компромисса властвующим и подвластным (и которая, замечу, может существовать и в форме унитаризма, и федерализма, и др.). В этом смысле, что касается федерализма, о котором здесь немало говорилось, то надо видеть, что это форма существования двух суверенитетов (Центра и периферии), как бы расщепленная форма общенационального суверенитета. Конечно, она в меньшей степени обладает целостным характером (хотя центр-периферийные отношения существуют и в унитарном государстве), но это ни более чем его историческая форма с характерным для нее инструментариумом осуществления власти в условиях компромисса с регионами. Но, повторюсь: те или иные формы суверенитета складываются в зависимости от своих инструментальных составляющих. Исследовать процесс их применения — и означает рефлекссию исторических форм суверенитета.